

ждается, что часть равна или больше целого»⁵¹ и т. п. Созвучие слов, частей слова, отдельных звуков и частей фразы, игра значениями, аллюзия, каламбур — вот по какому принципу строится большинство фигур, разбираемых в «Риторике», таких, как паронимасия, плеоназм, оксюморон, амфиболия, антифразис, апофазия, эпифора, анафора, палиндром и др.

Через весь курс «Риторики» Феофана Прокоповича проходит аллегория ученик-путник. Эта аллегория была распространена в школьной практике XVII в.⁵² и соответствовала барочному представлению о жизни человека как путешествии.⁵³

Для риторики барокко характерно также ощущение слиянности и единосущности искусств. В соответствии с этой тенденцией Прокопович в своей «Риторике» сопоставляет речь со «звуком музыкального инструмента» (I, 1 — л. 8 об.). Он утверждает родство поэта и художника,⁵⁴ часто сопоставляет ораторское искусство, поэзию и живопись. Феофан повторяет восходящий к позднеантичной эстетике (Симониду) афоризм Дж. Марино: «Поэзия — это говорящая живопись, живопись — это говорящая поэзия».⁵⁵

Нет никаких оснований и для того, чтобы связывать с классицизмом учение Феофана Прокоповича о подражании. Эволюция этого учения в европейской эстетике представляется иногда упрощенно. Специфически ренессансным считается учение о подражании природе, которое с переходом к классицизму якобы вытесняется учением о подражании образам.⁵⁶ Цитируя «Поэтику» Феофана Прокоповича, А. Ф. Лосев, например, комментирует соответствующее место следующим образом: «Прокопович развивает одно из самых центральных положений эстетики классицизма — о подражании древним образам».⁵⁷ Исследователь не замечает, что рядом с этим у Феофана имеется и другое понимание подражания — как вымысла или подражания природе⁵⁸ и что как та, так и другая трактовка этой категории свойственны эстетике Возрождения.⁵⁹ При этом в ренессансных поэтиках, как правило, помещались учения об обоих видах подражания, в риториках же эпохи Возрождения и барокко речь шла лишь о подражании образам.

⁵¹ Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, с. 325—326.

⁵² См., например: *Rynduch Z. Nauka o stylach*, s. 85.

⁵³ Панченко А. М. Два этапа русского барокко. — ТОДРЛ, Л., 1978, т. XXXI, с. 100.

⁵⁴ Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, с. 405.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965, с. 204—237.

⁵⁷ Там же, с. 233.

⁵⁸ Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве, кн. II, гл. 5, с. 402—407.

⁵⁹ На соединение в эпоху Ренессанса принципов подражания природе и образам указывал, например, А. А. Смирнов (см.: Смирнов А. А. Проблема вымысла и подражания в поэтике русского классицизма — Филол. науки, 1967, № 6, с. 73).